

К.А. Конев

Иностранные интервенты как «значимый Другой» для участников Гражданской войны в России

К.А. Konev

Foreign Interventionists as a “Significant Other” for the Participants of the Civil War in Russia

Аннотация. В статье представлены результаты анализа образов стран-участниц вооруженной интервенции в Россию в годы Гражданской войны, формировавшихся в контексте пропагандистской деятельности большевиков и антибольшевистского движения на востоке страны. Выявляется связь данных образов с ключевыми идеологемами в содержании политических нарративов, которые транслировались участниками Гражданской войны с помощью периодической печати и наглядной агитации. Рассмотрение динамики трансформации образа интервентов в периодической печати периода Гражданской войны позволяет не только проследить событийную историю военно-политического противостояния «белых» и «красных», но и смену идентификационных моделей участников этого противостояния. Особое внимание в работе уделено анализу использования образов стран Антанты и США большевиками и их противниками в рамках попыток самоидентификации и консолидации сторонников.

Ключевые слова: Гражданская война в России, образ, «значимый Другой», Антанта, США, большевики, антибольшевистские правительства.

Масштаб и сложность Гражданской войны, охватившей территорию бывшей Российской империи, обусловлены целым комплексом причин. Конфликт, который вслед за некоторыми зарубежными авторами [Smele, 2015] может быть рассмотрен как серия гражданских войн, являлся во многом частью и следствием глобальных событий. Появление очагов Гражданской войны, ход и интенсивность боевых действий во многом зависели от вмешательства внешних сил – участников Великой войны – стран Антанты и Центральных держав. Вмешательство это проявлялось в различных сферах – военно-политической, экономической, культурной, пропагандистской.

В Сибири и на Дальнем Востоке иностранная интервенция сыграла важную роль в эскалации конфликта. Сменявшие друг друга на территории востока страны антибольшевистские режимы, претендовавшие на всероссийский статус, активно стремились добиться признания странами Антанты и США и получить от них материальную помощь. Для большевиков поддержка контрреволюционных правительств союзными державами и присутствие иностранных войск на востоке России становились дополнительной серьезной проблемой на пути к реализации задач по удержанию власти и переустройству страны.

Образы стран-участниц интервенции, формировавшиеся в ходе осмысления взаимодействия с ними, становились важным фактором, влиявшим на самоидентификацию и содержание пропагандистской риторики участников Гражданской войны. Проблема исследования, таким образом, связана с выявлением особенностей влияния образа интервентов как «значимого Другого» на процессы конструирования идеологии, мировоззрения и идентичности, как большевиков и их союзников, так и их многочисленных и неоднородных по составу противников. Рассматриваемые образы конструировались и транслировались с помощью тогдашних средств агитации и осведомления, использовавшихся противоборствующими сторонами. Следовательно, решение обозначенной проблемы возможно за счет реконструкции данных образов в ходе анализа соответствующих источников – периодической печати, пропагандистских изданий, плакатов и листовок. Данная статья основана на выводах и заключениях ряда предыдущих работ автора, посвященных данной проблематике, и подводит итоги исследования, завершено в середине 2022 г. в рамках реализации проекта РНФ № 20-78-00094 «Иностранные интервенты как “значимый Другой” в политических нарративах участников Гражданской войны на востоке России (1918–1920 гг.)».

Используемый в работе термин «значимый Другой» (англ. *significant other*), введенный американским психиатром Г.С. Салливаном, обозначает «личность, оказывающую влияние на других людей, что выражается в качественном изменении их смысловых образований и поведенческой активности» [Психология общения, 2015. С. 102]. В рамках исследования термин используется применительно к образу представителей Великобритании, Франции, Японии и США, влияв-

шему на формирование идеологем, использовавшихся участниками Гражданской войны.

Образы стран Антанты и США, формировавшиеся в России в период Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны, неоднократно становились предметом изучения отечественных исследователей. Проблеме взаимовосприятия русских и иностранцев посвящен целый ряд сборников, подготовленных Центром по изучению отечественной культуры на базе ИРИ РАН [Издания междисциплинарного научного семинара]. Образы отдельных стран и обобщенные представления о странах Запада как о союзниках или врагах рассматривались в работах А.В. Голубева [Голубев, Неужин, 2016; Голубев, 2018], О.С. Поршневой [Голубев, Поршнева, 2011; Поршнева, 2014], Е.С. Сенявской [Сенявская, 2006]. Интерес для анализа образов стран Запада представляют и новые исследования, посвященные их внешней политике и взаимоотношениям с Россией в первой четверти XX в. Так, следует отметить работы А.В. Шмелева [Шмелев, 2017], Е.Ю. Сергеева [Сергеев, 2019], С.В. Листикова [Листиков, 2020], А.Ю. Павлова, И.Э. Магадеева, А.В. Бодрова, Е.П. Феськовой [Павлов и др., 2021]. На сибирском материале реконструкцию и рассмотрение образов зарубежных союзников антибольшевистского движения осуществляли М.М. Стельмак [Стельмак, 2016] и автор данного исследования.

Конструирование образов стран-участниц интервенции в Россию «красными» и «белыми» предполагало встраивание их в определенные картины мира и нарративы, адресованные сторонникам и населению и в некоторых случаях противникам. В рамках данных нарративов большевики и их противники осуществляли самопрезентацию и актуализировали важные для себя ценности и идеологемы, которые испытывали воздействие образов внешнего мира и его представителей и в свою очередь влияли на них. Анализ текстовых и визуальных источников позволил выделить основные модели презентации стран Антанты и США и их представителей в России участниками Гражданской войны – большевиками и их противниками.

Образ союзника/помощника. Идеи К. Маркса, осмысленные и дополненные лидерами большевистской партии, определяли оптику, с помощью которой происходил анализ международной обстановки, формулировали цели внешней политики и предлагали методы ее осуществления. Иностранные государства в силу этого могли рассмат-

риваться двояко – и как потенциальные противники, и как возможный источник позитивных изменений для Советской России. В качестве врагов в большевистской пропаганде представляли зарубежные «империалисты». В данном случае речь шла о западных политиках, буржуазии и военном командовании. Вместе с тем потенциальным союзником российских революционеров изображался иностранный рабочий класс и беднейшие слои населения. Речь могла идти о пролетариате Центральных держав и рабочих стран Антанты, США и стран Востока. Позитивный образ зарубежных союзников формировался в контексте освещения текущих политических и военных событий в Европе и Азии, анализа прошлого и прогнозирования. Рабочий класс воюющих держав представлялся в роли братьев и союзников, активные действия которых позволили бы по-настоящему закончить мировую войну и приблизить крах «империализма». Русская революция при этом позиционировалась как начало этого процесса – сигнал для иностранцев, которые должны были обеспечить победу социализма в развитых государствах.

Это делало пропаганду большевиков достаточно гибкой, нацеливая ее не только на внутреннюю, но и на внешнюю аудиторию. Адресованный населению позитивный образ зарубежного пролетариата, боровшегося с произволом и угнетением, позволял подчеркивать значимость ведущейся борьбы и вселять в сторонников уверенность в скорой победе. Логика классового подхода позволяла при необходимости рассматривать войска интервентов в России как «обманутых», «одурманенных» «капиталистами» потенциальных товарищей, которые в перспективе могли превратиться из орудия уничтожения Советской России в ее настоящих союзников и борцов с капиталистами. Кроме того, образ «обманутых» иностранных рабочих в шинелях позволял рельефнее обозначить и образ настоящего противника – капиталистов и генералов, заинтересованных, как указывали большевики, в ведении войн и аннексий.

Разнородные в политическом отношении противники большевиков воспринимали взаимоотношения со странами Антанты и США через призму своих партийных программ. Также на рецепцию и репрезентацию союзных держав влияли различия в понимании целей и задач России в мировой войне, степень информированности и собственно действия и заявления самих иностранцев. В то время как кадеты и

правые элементы оценивали события на международной политической арене исходя из национальных интересов стран, а войну воспринимали как столкновение культур, политических и правовых систем, «революционная демократия» заостряла внимание на классовых интересах зарубежных элит. Но и те и другие одинаково негативно относились к политике большевиков и факту заключения Брестского мира, расцененного как «предательство» национальных интересов России и союзников по антигерманской коалиции. Антибольшевистская позиция сибирской контрреволюции, заинтересованной в поддержке извне и признании, предопределяла репрезентацию стран Антанты как возможных помощников в деле борьбы с советским правительством. Поскольку война с большевиками, обвиненными в пособничестве немцам, трактовалась как борьба за независимость и возрождение единства страны, союзная интервенция представлялась в пропаганде антибольшевистского движения как союзническая помощь, операция по восстановлению восточного фронта и «благодарность» за усилия России в начале мировой войны.

После окончания мировой войны обоснование интервенции и конструирование позитивного образа Антанты и США были связаны и с эволюцией образа врага в лице большевиков. Из орудия германской агрессии они превращались в «пугачевщину XX века», угрозу цивилизации, русская революция и Гражданская война трактовались как очаг нестабильности, грозивший новому миропорядку, следовательно, интервенция становилась теперь борьбой за окончательное установление мира, спасение Европы от революционной анархии. Продолжала актуализироваться и тема вклада России в общее дело победы. В данном случае жертвы, понесенные на начальном этапе – в 1914–1915 гг., становились символом, который антибольшевистские силы использовали для убеждения общественности и самих союзников в необходимости оказания масштабной помощи.

Образ врага. Деление политических акторов на «своих» и «чужих» исходя из классового принципа позволяло большевикам формировать образы врагов и союзников, ломая привычные шаблоны восприятия Другого как представителя другой национальности или религии. При этом не делалось различий между представителями двух участвовавших в мировой войне блоков – Антанты и Центральных держав. Вместе с тем российская «контрреволюция», к которой были отнесены

все противники советского правительства, рассматривалась как союзница иностранных «империалистов». Конструируя единый образ классового врага, большевики указывали на необходимость изменения вектора и цели борьбы – мировую войну двух империалистических блоков должна была сменить борьба «угнетенных» трудящихся с «угнетателями» – капиталистами и их многочисленными «прислужниками». Все это позволяло большевикам актуализировать мобилизационные лозунги и дискредитировать своих противников внутри России. Рассуждения на страницах большевистских газет о единстве классовых интересов иностранной и русской буржуазии позволяли обвинять последнюю в предательстве и стремлении вернуть старорежимные порядки, опираясь на иностранные штыки. Образ «хищников» и «акул империализма» во главе с одиозными фигурами Ллойд-Джорджа, Вильсона и других политиков Запада, воплощенный как в текстах, так и в визуальных образах, призван был спланировать и мотивировать массы на оборону «социалистического отечества» и «завоеваний революции».

Создаваемый образ врага в то же время не был монолитен, опять же в силу классового подхода большевиков. Кроме того, определение типов противников по социальному признаку могло сочетаться и с применением привычных национальных стереотипов, дополнявших созданный образ и делавших его узнаваемым. Указывая на существование противоречий между союзниками – европейскими державами, США и Японией, большевики отмечали, что отсутствие единства среди внешних противников усиливало шансы трудящихся в борьбе за свои интересы. Сведения о разладе среди союзных держав могли быть использованы для подкрепления тезиса о слабости внутренней контрреволюции, зависящей от них, в том числе и правительств на востоке России. С другой стороны, постоянное акцентирование внимания на конкуренции между «империалистами», например японо-американском соперничестве на Тихом океане, позволяло большевикам продвигать идею о необходимости ликвидации текущего экономического и политического устройства, грозящего народам новыми мировыми войнами.

Следует отметить, что классовый подход при анализе действий союзников России по Первой мировой войне был присущ и противникам большевиков – в частности, представителям социалистических

партий. Еще до начала широкомасштабных боевых действий на востоке России – весной 1918 г. – социалистическая печать выражала опасения насчет возможного вмешательства Антанты во внутрirosсийские события. При этом рассуждения о необходимости предотвращения возможной «империалистической агрессии» нужны были революционной демократии для продвижения идеи защиты Учредительного собрания, а также формирования негативного образа большевиков, заключивших, по мнению революционной демократии, «позорный» и «предательский» Брестский мир, открывавший дорогу для агрессии немцев и уже «бывших союзников». В дальнейшем социалисты наряду с более правыми политическими силами на востоке страны приветствовали интервенцию, хотя и выражали опасения относительно ее цены и последствий, продолжая указывать на наличие у руководства союзных держав империалистических устремлений. Особенно ярко это стало проявляться на фоне роста разочарования в союзниках во второй половине 1919 г. В этот период в связи с военными поражениями и неудачами правительства А.В. Колчака во внутренней политике даже кадетская и другая несоциалистическая печать стала выражать сомнения в дружественности Антанты и США. В результате чего образ интервентов как помощников антибольшевистского движения стал превращаться в образ противников «возрождения России», в связи с чем в несоциалистической печати распространялась идея прагматизма во внешней политике и опоры на «свои силы».

Образец и пример. Противоборствующие стороны – и «белые», и «красные» – неоднократно воспроизводили образ стран-участниц интервенции в ходе их сопоставления с Россией. Сравнение могло осуществляться в различных контекстах – при выстраивании аргументации и для обоснования того или иного утверждения или идеи, при критике оппонентов и дискредитации врагов, для актуализации какой-либо значимой проблемы, для формирования у аудитории необходимой автору ассоциации или параллели. Различались и тематические контексты – политика и военное дело, социальная сфера, экономика, культура и образование, технологии, право. Образ стран Запада или Японии мог возникать при обращении к самым разным, порой неожиданным темам. Ссылка на зарубежный опыт (негативный или позитивный) являлась универсальным риторическим приемом для политиков,

идеологов, журналистов и военных независимо от политической принадлежности.

Использование образа интервентов как «значимого Другого» позволяло большевикам и их противникам актуализировать ряд значимых для них идей. Хотя «империалисты» Антанты и США являлись для большевиков антагонистами, а ряд присущих этим странам экономических, политических и социальных институтов и практик считался неприемлемым в рамках социалистических преобразований, коллективный Запад в некоторой степени оставался для Советской России учителем и образцом для подражания. В первую очередь данный образ актуализировался при обращении к идеям солидарности пролетариата и мировой революции. Опыт борьбы и достижения зарубежного рабочего движения позитивно оценивались большевиками как применимые для осуществления революционных преобразований, а исторические параллели и отсылки к европейским революциям активно применялись при анализе ситуации в России.

Призывая к масштабному и интенсивному экономическому развитию страны и технологической модернизации промышленности, большевики также актуализировали образ передовых индустриальных стран Запада как образец для подражания, который следовало в будущем превзойти количественно и качественно. В то же время закладывалась основа идеи соревнования двух систем, присущая идеологии Советской России на протяжении всего периода ее существования. Цели и перспективы модернизации тех или иных сфер жизни общества ставились и описывались с опорой на зарубежные образцы. Вооружение армии, технологии в индустрии, просвещение, культура и быт – все эти сферы должны были быть преобразованы и улучшены в процессе освоения иностранного опыта и техники.

Аналогично рассуждали и противники большевиков. Актуализация образов иностранных союзников в качестве «значимого Другого» и образца отражала процесс формирования идей, способных стать основой идентичности антибольшевистского движения. Однако в силу политической неоднородности восточной контрреволюции содержательное наполнение и интерпретации идеологом, выдвигаемых различными группировками, различались. Все силы, выступившие против большевиков на страницах своих газет и в агитационных материалах, так или иначе говорили о необходимости «возрождения

государственности». Для кадетов и консерваторов, части военных и торгово-промышленников данная идея связывалась с укреплением и централизацией власти вплоть до диктатуры, сплочением нации за счет подавления классовых конфликтов и «партийности», воссозданием армии и введением законности и порядка. В то время как «революционная демократия» призывала к сохранению достижений революции и народоправства, борьбе против диктатуры. В обоих случаях страны Антанты и США выступали образцом, на который следовало равняться при решении внутренних российских проблем. Так, официальная печать Временного Всероссийского правительства и правительства А.В. Колчака, а также проправительственные либеральные издания, адресуя читателям идею единства нации, предлагали образ правильного гражданина – сознательного и законопослушного патриота, чуждого партийности и готового на самоограничение и лишения во имя сохранения и защиты государства. В качестве аргументов и примеров использовались позитивные характеристики союзных государств. Россия при этом мыслилась как часть Европы, хотя и отстающая от нее, а воображаемый идеальный образ российского гражданина – как европейца, готового учиться у представителей «просвещенного Запада». Идеализированные, сконструированные зачастую на основе обобщений, национальных и внешнеполитических стереотипов образы союзных держав применялись также для позитивной самопрезентации и дискредитации противников. Социалисты, критикуя оппонентов справа за стремление к ограничению народоправства, могли апеллировать к опыту западных демократий. Кадеты, обвиняя «революционную демократию» в утрате «национального чувства», могли приводить в пример французов или британцев, сплотившихся ради достижения победы над германцами.

Подводя итоги, следует отметить, что формирование образов стран Антанты и США участниками Гражданской войны в ходе информационной и пропагандистской деятельности происходило под влиянием ряда факторов. В первую очередь это внешняя политика самих союзных держав, а также Советского правительства и антибольшевистских правительств. Другой важный фактор – характер функционирования информационного пространства, в рамках которого происходило конструирование образов – в частности, особенности работы тогдашних средств массовой информации, а также пропагандистских струк-

тур притворствующих сторон. Наконец, восприятие и презентация интервентов зависели от содержания и взаимосвязи идеологием, использовавшихся «красными» или «белыми», а также представлений, стереотипов, образов, применявшихся журналистами, идеологами и политиками при обращении к данной теме.

Страны Антанты и США, являясь для участников Гражданской войны «значимым Другим», выполняли ряд функций. Будучи врагами, союзниками или позитивным/негативным примером, интервенты использовались для консолидации сторонников и определения границ «Мы-группы», формируемой той или иной стороной конфликта. Эти же образы применялись и для определения противников, которые соответственно находились за этими границами. Интервенты как часть внешнего мира, являясь для большевиков и их противников «чужими» или «своими», помогали рельефнее очерчивать образы своих врагов внутри России. Также с опорой на данные образы могла происходить артикуляция важных идеологием и ценностей. Идея мировой пролетарской революции не обходилась без образа ключевого противника – иностранных империалистов, о захватнических устремлениях которых не уставали напоминать большевики, а идея нации или возрождения России – без примера национального единства, каковое, по мнению сибирских кадетских журналистов, демонстрировали развитые европейские государства.

Литература

Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / А.В. Бодров, И.Э. Магадеев, А.Ю. Павлов, Е.П. Феськова. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2021. Т. 1. 705 с.; Т. 2. 892 с.

Голубев А.В. «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М.: ИРИ РАН, 2018. 282 с.

Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М.: Институт Российской истории РАН, 2016. 238 с.

Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.

Издания междисциплинарного научного семинара по истории взаимовосприятия культур «Россия и мир» [Электронный ресурс]. URL: <http://rosmir.iriran.ru/publication.php> (дата обращения: 31.05.2022).

Листиков С.В. «Недоверчивая сдержанность Вильсона»: американская дипломатия в поисках «русской политики», 1917–1919 годы // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 192–203.

Поршнева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52.

Психология общения: энциклопедический словарь / Российская акад. образования, Психологический ин-т; под общ. ред. А.А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Когито-Центр, 2015. 671, [1] с.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. 832 с.

Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.

Шмелев А.В. Внешняя политика адмирала А.В. Колчака. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.

Smele J.D. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. London, 2015. 480 p.